

№ 14

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕЙСМАЙЕРЪ

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода 3 » 50 »
 На три мѣсяца 2 » — »

Редакція: Малая Подъячская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНИЕ: I. Гердеръ Н.—а. Попова. — II. Рейнъ.
 (Стих.). Н: О...ва. — III. Скала Лориелъ. М—си
 Е—шевой. — VI. Коралловый островъ на Тихомъ
 океанѣ. А. С—ва. — V. Маленькій рудокопъ. Нирица.

ГЕРДЕРЪ.

ДѢТСТВО И ЮНОСТЬ.

ОАННЪ Готфридъ Гердеръ родился въ 1744 году
 25 августа въ небольшомъ городкѣ Восточной Прус-
 сіи—Морунгенѣ.

Быть можетъ одновременно съ нимъ родились сотни ты-
 сячъ людей, но жизнь ихъ прошла безслѣдно для потомства;

могилы ихъ давно заросли травою и никто о нихъ не вспоминаетъ. Память же о Гердерѣ неизгладима, и въ сердцахъ всѣхъ образованныхъ людей будетъ жить вѣчно.

I.

Родители Готфрида Гердера.

Въ срединѣ прошлаго столѣтія Морунгенъ считался самымъ незначительнымъ городкомъ. Жителей въ немъ было не много и большинство мирно занималось земледѣліемъ; торговля же и промышленность шли крайне тихо. Большихъ, красивыхъ зданій въ Морунгенѣ вовсе не было, кромѣ старинной каменной церкви, окруженной небольшимъ кладбищемъ. Близъ кладбища одиноко стоялъ одноэтажный домикъ съ чистовыбѣленными стѣнами и красною, крытой черепицей, кровлей; здѣсь помѣщалось городское училище, учителемъ былъ Гердеръ—отецъ Готфрида.

Старикъ Гердеръ былъ истинный другъ человѣчества, дѣтей же любилъ въ особенности и рѣдко случалось, чтобы онъ къ кому нибудь относился непріязненно. Довольствовался онъ малымъ, отличался добродушіемъ и былъ всегдашнимъ примирителемъ въ ссорахъ и враждахъ.

Послѣ-обѣденные уроки въ школѣ кончились. Старикъ Гердеръ—человѣкъ высокаго роста, худощавый, надѣваетъ на голову черную домашнюю шапочку и идетъ съ 8-ми лѣтнимъ сыномъ своимъ Готфридомъ въ садъ. Готфридъ блѣдный, впечатлительный ребенокъ; его большіе голубые глаза свѣтятся ласково; бѣлокурые вьющіеся волосы низко падаютъ на высокій, открытый лобъ и весь онъ производитъ впечатлѣніе яснаго майскаго утра.

Много найдется садовъ и красивѣе, и роскошнѣе сада Гердера, но нигдѣ не чувствовалось и не дышалось такъ легко и привольно, какъ въ его саду, все было тамъ и мило, и уютно. У забора садика стояла чистенькая, красивенькая собачья конура. „Бэлло“! зоветъ старый Гер-

деръ, и на зовъ его выбѣгаетъ маленькая желтенькая собаченка, весело лая и ласкаясь къ хозяину. Балло—садовой сторожъ, ея главная обязанность недопускать въ садъ куръ съ сосѣднихъ дворовъ и, къ чести Балло будь сказано, она исполняла свою обязанность мастерски.

Насладившись вдоволь чуднымъ вечеромъ, отецъ и сынъ возвратились домой, гдѣ ихъ ждалъ скромный ужинъ, приготовленный заботливою матерью. Отужинавши, старикъ Гердеръ, исправлявшій кромѣ должности учителя и должность псаломщика, отправился къ пастору, чтобы взять псалмы на завтрашнее богослуженіе; маленькій же Готфридъ уютно усьлся съ матерью въ бесѣдкѣ, почти исчезавшей подъ виноградными лозами и ползучимъ хмѣлемъ.—Мама, сказала мальчикъ, я опять трогалъ куколку бабочки; прежде она двигалась, но вотъ уже нѣсколько дней какъ неподвижна, не умерла ли она?

— Это хорошій признакъ, отвѣчала, мать, она не двигается потому, что готовится покинуть свой тѣсный гробикъ. И мать стала рассказывать ребенку весь процессъ превращенія бабочки.—Ахъ! сказала мальчикъ, теперь я понимаю, что значитъ изображеніе золотой бабочки на траурномъ спискѣ умершихъ. Это значитъ, что какъ гусеница превращается въ новое существо, такъ и человѣкъ перерождается по смерти въ духовное созданіе.—Да, мой милый, сказала мать, мысль о будущей лучшей жизни утѣшительна, сверхъ того она напоминаетъ намъ, что мы на землѣ временные пришельцы.—Откуда, мама, ты все это знаешь? спросилъ Готфридъ.—Изъ книгъ, отвѣтила мать; нѣкоторые люди излагаютъ свои знанія и мысли письменно, потомъ ихъ сочиненія печатаются, чтобы всѣ желающіе имѣли возможность познакомиться съ написаннымъ. Готфридъ всталъ съ мѣста и подошелъ къ матери; глазки его блестѣли и онъ съ волненіемъ сказалъ:—О! какъ бы я хотѣлъ быть сочинителемъ!—Другъ мой, возразила мать, это дается не такъ легко; надобно прежде самому многому научиться!

— Мама, вѣдь я и собираюсь учиться и уже умѣю читать. Мать ласково улыбнулась.

— Выучиться читать недостаточно, Готфридъ,—говорила она; надобно сдѣлаться ученымъ. Посмотри, даже твой отецъ не писатель!

— Неужели же это невозможно, грустно возразилъ мальчикъ; я прилежно буду трудиться, мама!

Мать съ любовью посмотрѣла на сына и обняла его.

— Право, не знаю, другъ мой! Прежде всего старайся быть послушнымъ и прилежнымъ, а остальное предоставимъ Господу Богу. Если на то будетъ Его святая воля, ты сдѣлаешься ученымъ и будешь сочинять книги.—Я буду молить объ этомъ Бога, воскликнулъ Готфридъ.

Вскорѣ возвратился старый Гердеръ, всѣ они трое вошли въ домъ и, прочитавъ вечернюю молитву, легли спать.

II.

Дядя Іона.

Наступило утро Троицына дня; въ домѣ учителя, несмотря на раннюю пору, всѣ были на ногахъ; напившись чаю, Готфридъ отправился съ отцомъ къ ранней обѣднѣ. Погода стояла чудесная; на всей природѣ и на всѣхъ лежалъ праздничный видъ. Маленькій Готфридъ, которому въ это утро было особенно легко и весело, отпросился у своихъ родителей пойти на встрѣчу дядѣ Іонѣ. Дядя Іона былъ зажиточный крестьянинъ, жившій въ деревнѣ, расположенной въ двухъ миляхъ отъ Морунгена, и находился въ родствѣ съ Гердерами. Въ Троицынъ день его ждали въ семьѣ учителя къ обѣду. Весело пустился Готфридъ въ путь. Дорога шла лѣсомъ, прозванномъ „райскимъ“, такъ въ немъ хорошо и легко дышалось. Послѣ получасовой ходьбы Готфридъ сѣлъ отдохнуть подъ тѣнистыми деревьями, на небольшомъ пригоркѣ, покрытомъ мягкимъ мохомъ. Лиловые колокольчики

покорно клонили свои головки къ его ногамъ, а надъ его головою мирно перешептывались вершины липъ и сосенъ, сплетаясь своими вѣтвями; тысячи птицъ стройно сливали голоса свои въ одну общую пѣсню; торопливо перелетали съ цвѣтка на цвѣтокъ пчелки, а на послѣднемъ деревѣ ловко прыгала по вѣткамъ хорошенькая бѣлка, пугливо поглядывая своими черными глазками на мальчика. Готфридъ ласково кивалъ ей головою и манилъ ее рукою, спуститься къ нему пониже. Но бѣлка напротивъ того поднималась все выше и выше и, наконецъ, исчезла въ густой листвѣ могучаго дуба.

Дивно хорошо казалось мальчику въ лѣсу. Сквозь зеленые листья тамъ и сямъ проглядывало лазуревое небо. Если бы у меня были крылья, думалъ Готфридъ, какъ бы я раскачивался на упругихъ вѣткахъ, точно вольная птица. Я бы полетѣлъ чрезъ лѣсъ и поле, все дальше и выше къ самому солнцу—а ночью къ серебряному мѣсяцу и къ яркимъ звѣздочкамъ. Но вотъ мальчику припомнилась сказка о бѣдной бабочкѣ, которая подлетѣла близко къ солнцу и сгорѣла. Припомнился ему и отвѣтъ матери на разъ уже высказанное имъ такое же желаніе.

— Стремиться къ небу, говорила она, можетъ только наша душа, тѣло же безсильно!—Ну хорошо, думалось мальчику, до неба и до солнца мнѣ не долетѣть; но если бы вдругъ въ эту минуту я могъ очутиться возлѣ моей дорогой мамы, навѣрное, она бы мнѣ обрадовалась и не прогнала бы отъ себя. Вѣдь додумывались же люди до многого, такъ почему бы имъ не изобрѣсть и крыльевъ. Умѣемъ же мы строить высокія башни, перебрасывать чрезъ рѣки красивые мосты, прокладывать дороги по сухому пути, управлять огромными судами на морѣ, а изобрѣсть себѣ крылья не можемъ. Какъ-то разъ я спросилъ отца, кто научилъ людей строить вѣтряныя мельницы?—Они сами додумались до этого, отвѣтилъ мнѣ онъ. Ну-ка постараюсь и я додуматься до того какъ бы изобрѣсть крылья. Можетъ быть и изобрѣту. Я даже спросилъ отца, какъ вы-

учиваются думать и онъ отвѣтилъ, что для этого необходимо прилежно посѣщать школу. Это-то по крайней мѣрѣ въ моихъ силахъ. Отецъ обѣщалъ завтра утромъ свести меня въ школу, какъ я радъ этому! Въ такихъ разсужденіяхъ мальчикъ провелъ довольно долго времени. Вдругъ издали раздался ударъ бича и послышался шумъ все ближе и ближе подъѣзжавшихъ колесъ. Готфридъ всталъ и черезъ нѣсколько минутъ увидѣлъ на проѣзжей дорогѣ телѣжку съ двумя крѣпкими, бодрыми лошадами. Въ ней сидѣлъ поселянинъ съ сильно загорѣвшимъ лицомъ и черными, какъ смоль, волосами; рядомъ съ нимъ помѣщалась бѣлокурая дѣвочка лѣтъ пяти. Это былъ дядя Іона со своей дочерью Гертрудой или просто Трудхенъ, какъ ее звали дома. Весело подбѣжалъ къ нимъ Готфридъ; телѣжка остановилась; сперва вышелъ самъ Іона и высадилъ дѣвочку, которая нетерпѣливо протягивала свои ручки къ Готфриду. А гдѣ же Вильгельмъ, дядя? зачѣмъ вы не привезли его съ собою? спросилъ удивленно мальчикъ.

— Вильгельмъ умеръ; вчера мы его схоронили, — глухо сказалъ Іона. Готфридъ сильно измѣнился въ лицѣ и слезы показались въ его ясныхъ глазахъ. „Да, братецъ, грустно лепетала дѣвочка; Вильгельмъ отъ насъ ушелъ и папа говорить, что онъ никогда болѣе не вернется!“ — Утѣшся, милочка, сказалъ ей Готфридъ. Твой братъ теперь прекрасный ангелъ, а когда настанетъ и наша очередь умереть, мы тоже превратимся въ ангеловъ и увидимся съ нимъ снова. При этихъ словахъ на строгомъ лицѣ Іоны мелькнула насмѣшливая улыбка. Онъ сорвалъ полевой колокольчикъ и сказалъ: — Готфридъ, будетъ этотъ цвѣтокъ цвѣсти снова? Нѣтъ, онъ завянетъ и никто изъ насъ не увидитъ его болѣе! Точно также и Вильгельмъ; онъ умеръ и превратится въ прахъ. Сказавши это, Іона глубоко вздохнулъ и принялся усаживать дѣтей въ телѣжку; взявъ возжи въ руки, онъ ударилъ ими лошадей, и онѣ быстро побѣжали по лѣсной дорогѣ.

Слова Іоны произвели удручающее впечатлѣніе на Готфрида. Ему впервые приходилось видѣть человѣка невѣрующе

шаго. Онъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы оцѣнить несчастное настроеніе дяди, но несмотря на это слова его возмущали мальчика до глубины души.

Молча просидѣлъ онъ всю дорогу; наконецъ они доѣхали до дома учителя. Родители Готфрида вполнѣ сочувствовали потерѣ несчастнаго отца и старикъ Гердеръ старался утѣшить его по мѣрѣ возможности, но Іона слушалъ его съ недовѣріемъ.

Дѣти между тѣмъ гуляли и играли въ саду, гдѣ ихъ чрезвычайно забавляли искусные прыжки Балло.

Дядя Іона всегда очень любилъ Готфрида, въ этотъ же день онъ былъ къ нему особенно ласковъ. Это не ускользнуло отъ любящей матери мальчика, она объясняла себѣ это сходствомъ Готфрида съ умершимъ сыномъ Іоны.

Послѣ обѣда, Іона, оставшись наединѣ съ Готфридомъ въ бесѣдкѣ, усадилъ его поближе къ себѣ и спросилъ, чѣмъ бы ему хотѣлось быть, когда вырастетъ? Готфритъ удивленно посмотрѣлъ на дядю. Мысль о сочинительствѣ промелькнула въ его головѣ, но онъ не рѣшился ее высказать.

— Хотѣлъ ли бы ты сдѣлаться земледѣльцемъ? спросилъ его Іона.

— А умѣютъ ли они сочинять прекрасныя книги? быстро спросилъ въ свою очередь мальчикъ.

— Вотъ тебѣ разъ! воскликнулъ Іона, почесывая затылокъ. Ужъ и тебя, дружище, успѣли сбить съ толку! Ты хочешь сдѣлаться ученымъ... Ученые, братъ, самые несчастные люди. Сказавъ это, Іона громко расхохотался. Готфридъ смотрѣлъ на него испуганно. Ты спрашиваешь, продолжалъ Іона, сочиняемъ ли мы книги? Да, голубчикъ, мы, крестьяне, тоже пишемъ и сочиняемъ только по своему. Мы проводимъ на землѣ толстыя линіи плугомъ; потомъ менѣе толстыя— бороною и наконецъ самыя тонкія— сохою. Мы пишемъ навозными вилами, соскабливаемъ косою и ставимъ точки молотильнымъ цѣпомъ. Неправда ли наше писанье не похоже на письмо вашихъ ученыхъ. Мы, крестьяне, умѣемъ и читать.

Опять таки не такія каракули, которыя мелькають передъ глазами, точно смотришь въ муравейникъ. Мы читаемъ глазами поспѣваютъ ли яблоки и сливы; слѣдимъ за картофелемъ и рожью, когда ее свозять съ полей. Въ эту пору у насъ всякая буква имѣетъ вкусъ. А вмѣсто книгъ у насъ въ клѣткахъ—свиньи, мы ихъ запираемъ и откармливаемъ буквами изъ картофеля и ячменя, а когда намъ понадобится книга, мы выбираемъ самую жирную свинью и взрѣзываемъ ей переплетъ острымъ ножомъ. А то, что за переплетомъ ты, Готфридъ, знаешь — ветчина, шпигъ, сало, колбаса. Вотъ какъ пишутъ и читаютъ крестьяне. Посмотри внимательно на ученыхъ и на насъ, крестьянъ, и увидишь разницу между ими и нами. Ученые, какъ ихъ книжные листы, сухи и тощи; мы же, крестьяне, отъ чтенія нашихъ книгъ становимся сильны и здоровы. И тебѣ, Готфридъ, совѣтую бросить весь ученый хламъ и поступать по нашему. Тогда ты сдѣлаешься настоящимъ человѣкомъ, будешь силенъ и съумѣешь справиться со всякимъ, кто осмѣлится стать тебѣ поперегъ дороги. Вотъ, посмотри, какою силою одарили меня наши книги. Съ этими словами Иона ловко схватилъ одною рукою ножку стула и высоко поднялъ его, вмѣстѣ съ сидѣвшимъ на немъ Готфридомъ, какъ бы самую легкую вещь. Такую картину засталъ, только что вошедшій въ садъ, старикъ Гердеръ, и съ удивленіемъ смотрѣлъ на богатырскую силу своего родственника.

— Ну-ка, братецъ, попробуй поднять одной рукой своего сына, обратился съ торжествующимъ видомъ къ нему Иона. Гердеръ отлично зналъ, что у него не хватитъ на это силы и несмѣлыми шагами приблизился къ Готфриду. Послѣдній ловко соскочилъ со стула и, смѣясь, бросился обнимать отца.

Оставшись наединѣ съ Гердеромъ, Иона передалъ ему свой разговоръ съ Готфридомъ въ бесѣдкѣ. „Я очень люблю твоего сына, сказалъ Иона, хочу усыновить его и сдѣлать своимъ наслѣдникомъ, только не пичкай его книжнымъ хламомъ, а слушайся меня, ты не расквѣсишься“.

— Мнѣ бы хотѣлось дать сыну прочное образованіе, сказалъ Гердеръ, а въ остальномъ полагаюсь на волю Провидѣнія. Но повѣрь, всегда буду благодаренъ тебѣ за твое расположеніе къ нашему сыну.

— Ну, ну, нечего разводить на бобахъ, остановилъ его Іона, пора закладывать лошадей, а то стемнѣетъ прежде, чѣмъ мы доберемся до дома.

Вскорѣ телѣжка стояла у крыльца. Трудхенъ заплакала и позволила усадить себя въ телѣжку только тогда, когда убѣдилась, что Готфридъ и отецъ его проѣдутъ немного съ ними. Наконецъ, отдохнувшія лошади тронулись. Весело болтала дѣвочка; у лѣсочка телѣжка остановилась, Гердеръ съ сыномъ вышли и, распростясь еще разъ съ уѣзжающими, пустились въ обратный путь.

III.

Два года спустя.

Когда въ организмъ попадаетъ ядъ, то происходитъ борьба здоровыхъ соковъ съ вредными элементами. И чѣмъ здоровѣе организмъ, тѣмъ эта борьба сильнѣе. Тоже самое случается и съ духовной природою человѣка.

Подобная минута наступила и для Готфрида.

Ему было не по себѣ. Возвращаясь съ отцомъ домой, онъ послѣ краткаго раздумья рѣшился высказаться отцу и передалъ ему свой разговоръ съ Іоной по поводу безсмертія.

— Неужели, папа, грустно сказалъ Готфридъ, мы навсегда расстаемся съ умершими?

— Представь себѣ, мой другъ, отвѣчалъ ему отецъ, что къ тебѣ пришелъ бы какой нибудь человѣкъ и сказалъ: „Готфридъ, твой отецъ о тебѣ заботится, кормить, одѣваетъ и обуваетъ тебя, но ты ошибешься, если повѣришь его обѣщаніямъ и впередъ покидать тебя. Года черезъ два, три

онъ приведетъ тебя въ пустыню, оставить тамъ одного и ты погибнешь. Повѣрилъ ли бы ты этому человѣку?

— Конечно нѣтъ, папа, отвѣтилъ поспѣшно Готфридъ.

— Какъ ты вѣришь въ любовь мою, продолжалъ отецъ, такъ и Господь влилъ въ сердца наши увѣренность въ любовь Его къ намъ, а вмѣстѣ съ этимъ нераздѣльно и вѣру въ жизнь вѣчную, подтвержденную и словами Спасителя.

Глубоко прочувствованныя слова отца благотворно повліяли на взволнованную душу ребенка. Онъ успокоился, повеселѣлъ и передалъ отцу, что говорилъ дядя Іона о книгахъ и ученыхъ; разумныя слова отца уяснили мальчику многое. Готфридъ далъ себѣ слово всегда поступать также.

Два слѣдующіе года жизни Готфрида прошли безъ измѣненія. Онъ усердно ходилъ въ школу и удивлялъ всѣхъ своими быстрыми успѣхами.

До десяти лѣтъ Готфридъ ничего не читалъ кромѣ библіи и псалмовъ. Особенно интересовали его библейскіе рассказы; онъ почти всѣ зналъ наизусть и любилъ ихъ рассказывать своимъ родителямъ.

Одной изъ любимыхъ привычекъ Готфрида было—сидѣть въ саду на старомъ вѣтвистомъ вишневомъ деревѣ и читать тамъ свою дорогую книгу. Впослѣдствіи онъ съ наслажденіемъ вспоминалъ о часахъ, проведенныхъ имъ на вишнѣ. Однажды онъ свалился съ дерева, но и паденіе не заставило его отказаться отъ этого наслажденія; только съ тѣхъ поръ, для спокойствія родителей, онъ привязывалъ себя къ дереву ремешкомъ.

Кромѣ чтенія, Готфридъ очень любилъ церковную музыку, и десяти лѣтъ мило игралъ на фортепіанахъ. Въ свободное отъ занятій время мальчикъ забирался въ старинную, темную церковь, отыскивалъ тамъ самый уединенный уголокъ на хорахъ, и цѣлыми часами слушалъ игру стараго органиста.

Родители Готфрида горячо любили своего сына и не разъ вздыхали и горевали о томъ, что ихъ скудные средства не

позволяли имъ дать мальчику лучшее образованіе. Однажды маленькій Гердеръ прибѣжалъ домой съ сіяющимъ лицомъ, держа въ рукахъ большую раскрытую книгу, которую, вѣроятно, читалъ даже идя по улицѣ, и принялся разсказывать родителямъ, что онъ нѣсколько дней сряду разглядывалъ эту книгу, лежавшую на окнѣ у аптекаря и, наконецъ, рѣшился ее выпросить на нѣсколько дней. Окончивъ свой разсказъ, Готфридъ схватилъ свой кожаный ремень, драгоценную книгу и бросился вонъ изъ комнаты, не допивъ даже свою кружку молока, къ великому огорченію обожавшей его матери.

IV.

Вилламовіусъ.

Главнаго пастора города, гдѣ жилъ Готфридъ съ своими родителями, на звался Вилламовіусъ. Это былъ человѣкъ всеми уважаемый и любимый, который, несмотря на свои преклонные года, былъ еще бодръ и велъ самую дѣятельную жизнь, а его трогательныя проповѣди привлекали массу прихожанъ. Пасторъ былъ очень друженъ съ аптекаремъ и часто навѣщалъ его. Однажды, когда онъ сидѣлъ у него, и разговоръ коснулся Готфрида Гердера, то аптекарь разсказалъ ему, какъ онъ попросилъ у него Гомера: „Зная, что Готфридъ мальчикъ скромный и умный, я, конечно, охотно исполнилъ его просьбу, сказалъ аптекарь, но думаю, онъ еще слишкомъ молодъ, чтобы понять и оцѣнить это гениальное произведеніе“. Пасторъ внимательно выслушалъ своего друга и задумалъ самъ отправиться къ Гердерамъ, чтобы лично видѣть и поближе узнать ихъ сына. Между тѣмъ Готфридъ читалъ Гомера съ увлеченіемъ. До этихъ поръ онъ зналъ только библейскіе разсказы и нѣсколько повѣстей, разсказанныхъ ему матерью, такъ какъ у отца его кромѣ библіи, церковныхъ пѣсенъ и проповѣдей, другихъ книгъ не

было. На молодого Гердера, какъ и на Гёте, библейскіе рассказы производили необыкновенно сильное впечатлѣніе. Исторія сотворенія міра, изгнаніе Адама и Евы изъ рая, убійство Каиномъ Авеля, всемірный потопъ и другія событія изъ отдаленнаго туманнаго прошлаго наполняли его душу величіемъ. Образы древнихъ патріарховъ и вождей израильскаго народа какъ бы олицетворялись передъ нимъ. Онъ съ глубокимъ сочувствіемъ мысленно сопровождалъ Іосифа Прекраснаго въ Египетъ; странствовалъ съ Моисеемъ въ пустынь, ясно представляя себѣ всѣ испытанія угнетеннаго Фараонами израильскаго народа и искренно радовался ихъ освобожденію. Теперь онъ узналъ твореніе великаго Гомера. Какъ различны были впечатлѣнія, производимыя на него обѣими книгами! Изъ священнаго писанія выступали передъ мальчикомъ величественный образъ Іеговы и Божественный Спаситель и озаряли въ его сердцѣ глубокое религіозное чувство. Пѣсни Гомера, раскрывая передъ нимъ новый, невѣдомый ему міръ греческой міеологіи, развивали въ немъ еще дремавшее чувство эстетики.

Въ Иліадѣ Готфридъ восхищался мужествомъ и великодушіемъ благороднаго Ахиллеса. Сильно интересовали его: Агамемнонъ, Гекторъ, Одиссей, Патроклъ, Несторъ, Пріамъ, Аяксъ, Андромаха и др. Его воображеніе сильно разыгралось при чтеніи второй книги Гомера — Одиссеи. Глубоко сочувствовалъ Готфридъ судьбѣ науготаннаго ловкаго Одиссея! Чудесныя похожденія этого героя ярко рисовались въ поэтическомъ воображеніи мальчика. Однажды вечеромъ, когда Готфридъ, по своему обыкновенію, сидѣлъ на любимомъ вишневомъ деревѣ, уносясь мыслями въ поэтическій міръ Греціи, ему послышались голоса; взглянувши внизъ, онъ увидѣлъ пастора Вилламовіуса, разговаривающаго съ его отцомъ. Готфридъ глубоко уважалъ пастора и вспыхнулъ, что его накрыли на деревѣ.

— Славный уголокъ, сказалъ пасторъ, выбралъ ты себѣ, дружекъ, для чтенія; будь я помоложе, самъ бы съ удоволь-

ствіемъ полѣзъ къ тебѣ. Жаль, не взобраться теперь, что дѣлать, придется тебѣ самому спуститься внизъ.

Готфридъ поспѣшно отвязалъ себя отъ дерева, ловко спрыгнулъ на землю и почтительно поздоровался съ пасторомъ.

— Пойдемъ-ка посидѣть въ бесѣдкѣ, ласково сказалъ мальчику Вилламовіусъ, и почитай мнѣ немного, я посмотрю хорошій ли ты чтець.

Готфридъ тотчасъ исполнилъ желаніе пастора, и они уютно помѣстились въ тѣнистой бесѣдкѣ. Пасторъ взялъ *Иліаду*, остановился на „Прощаніи Гектора съ Андромахой“ и велѣлъ читать Готфриду.

Съ сильнымъ волненіемъ началъ Готфридъ читать; голосъ его дрожалъ, кровь прилиwała въ лицо; но скоро онъ оправился и съ глубокимъ пониманіемъ и чувствомъ прочелъ слѣдующую трогательную сцену.

...Гекторъ стремительно изъ дому вышелъ,
 Прежней дорогой назадъ, по красно-устроеннымъ стогнамъ.
 Онъ приближался уже, протекая обширную Трою,
 Къ Скейскимъ воротамъ (чрезъ нихъ выходъ изъ города въ поле);
 Тамъ Андромаха супруга, бѣгущая въ встрѣчу, предстала,
 Отрасль богатаго дома, прекрасная дочь Гетіона:
 Сей Гетіонъ обиталъ при подошвахъ лѣсистаго Плака,
 Въ Фивахъ Плакійскихъ, мужей Киликіянъ властитель державный;
 Онаго дочь сочеталась съ Гекторомъ мѣднородоспѣшнымъ.
 Тамъ предстала супруга; за нею одна изъ прислужницъ
 Сына у персей держала, безсловнаго вовсе младенца,
 Плодъ ихъ единый, прелестный, подобный звѣздѣ лучезарной.
 Гекторъ его называлъ Скамандріемъ; граждане Трои—
 Астіанаксомъ: единый бо Гекторъ защитой былъ Трои.
 Тихо отецъ улыбнулся, взглянувши на сына безмолвный.
 Подлѣ него Андромаха стояла, ліющая слезы;
 Руку пожала ему.

.

Сына обнять устремился блистательный Гекторъ
 Но младенецъ назадъ, пышноризою кормилицы къ лону
 Съ крикомъ припалъ, утрашася любезнаго отчаго вида,
 Яркою мѣдью испугавъ и гребень увидѣвъ косматый,
 Грозно надъ шлемомъ отца всколебавшійся конскою гривой.
 Сладко любезный родитель и нѣжная мать улынулись.
 Шлемъ съ головы, не медля, снимаетъ божественный Гекторъ,
 Наземъ кладетъ его пышноблестящій, и, на руки взявши
 Милаго сына, цѣлуетъ, качаетъ его и, поднявши,
 Такъ говоритъ, умолая и Зевса и прочихъ безсмертныхъ:
 „Зевсъ и безсмертныя боги! о, сотворите, да будетъ
 Сей мой возлюбленный сынъ, какъ и я, знаменитъ среди гражданъ,
 Такъ же и силою крѣпокъ, и въ Троѣ да царствуетъ мощно!
 Пусть о немъ нѣкогда скажутъ, изъ боя идущаго вида:
 Онъ и отца превосходить! и пусть онъ съ кровавой корыстью
 Входитъ, враговъ сокрушитель, и радуетъ матери сердце!“
 Рекъ—и супруги любезной на руки онъ полагаетъ
 Милаго сына; его къ благовонному лону прижала
 Мать, улыбаясь сквозь слезы. Супругъ умилился душевно,
 Обнявъ ее и, рукою ласкающій, такъ говорилъ ей:
 „Добрая! сердце себѣ некруши неумѣренной скорбью.
 Противъ судьбы меня человѣкъ не пошлетъ въ Андесу;
 Но судьбы, какъ я мню, не избѣгъ ни одинъ земнородный,
 Мужъ ни отважный, ни робкій, какъ скоро на свѣтъ онъ родится.

— Хорошо прочитано! воскликнулъ пасторъ, съ удовольствіемъ посмотрѣвъ на мальчика, у котораго на глазахъ выступили слезы.

Выразительное чтеніе Готфрида показывало полное пониманіе этого высокаго произведенія.

Пасторъ сознался, что маленькій Готфридъ на много опередилъ его сына Юганна, несмотря на то, что былъ двумя годами моложе его, и желая ближе узнать мальчика, попросилъ родителей Готфрида отпустить его въ этотъ же вечеръ къ нему. Возвратившись домой отъ пастора, Готфридъ бросился обнимать отца и мать и съ увлеченіемъ принялся рассказывать о проведенномъ вечерѣ. Радости родителей не было конца,

когда они слышали, что пасторъ обѣщалъ помѣстить Готфрида на собственныя средства въ городское училище и позволилъ ему присутствовать при урокахъ своего сына. Разказы Готфрида затянулись до поздняго вечера, и когда всѣ отправились спать, Готфридъ еще долго не могъ заснуть. Онъ чувствовалъ себя такъ счастливымъ, что ему казалось, самъ Богъ съ любовью смотритъ на него. Подъ этимъ свѣтлымъ впечатлѣніемъ мальчикъ спокойно уснулъ.

Н—а Лопова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РЕЙНЪ.

ЕЙНА широкаго воды зеленыя
Блещуть въ ночной тишинѣ,
Свѣтомъ задумчивымъ луны золоченыя
Льются и плещуть онѣ.

Замковъ развалины, скалы пустынный
Дремлять въ туманѣ ночномъ;
Вѣютъ таинственно саги старинныя
Въ ихъ заустѣни глухомъ.

Люди могучіе, латы желѣзныя,
Копья, щиты и мечи,
Пѣсни прекрасныя, страстныя, тихія
Тихо воскресли въ ночи.

Слушаю, слушаю съ тайнымъ волненіемъ
Пѣснь Лориlei слышна!
Вотъ на верху скалы свѣтлымъ видѣніемъ
Вижу явилась она.

Очи лазурныя, русые волосы,
Ликъ озаренный луной,
Звуки волшебные звонкаго голоса
Страстно владѣютъ душой.

Хочется броситься въ волны мнѣ шумныя,
Къ ней я плыву и тону,
Гибну и сладко мнѣ, съ нѣгой безумною
Пью студеную волну.

Н. Р—въ.

СКАЛА ЛОРИЛЕИ.

Рейнская легенда.

КАЛА Лориlei какъ бы нарочно создана для того, чтобы служить основаніемъ народныхъ сказаній. Рѣдко можно видѣть скалы такъ романтичныя и такъ интересныя своимъ необыкновеннымъ строемъ. Есть народное преданье, что одна милѣвидная Ундина избрала эту скалу своимъ мѣстопребываніемъ и проводила на ней вечера, расчесывая свои золотистые волосы; сопровождая свои восхитительныя пѣсни игрой на золотой арфѣ.

Всѣ, кому только случалось услышать и увидѣть ее, приходили въ неописанный восторгъ; глубокая тоска охватывала душу и томила жаждой блаженства и любви. Вмѣсто того, чтобы смотрѣть на скалы, они устремляли взоры только на чудную пѣвицу и предоставляли свой челнъ произволу волнъ.

Но не всегда прекрасная Ундина бывала гибельна людямъ; инымъ она приносила и счастье; повидимому она больше всего была расположена къ рыбакамъ и часто имъ показывала рыбныя мѣста, а дѣтямъ ихъ выбрасывала на берегъ сверкающіе рейнскіе камни.

Молва о ея красотѣ, добросердечіи и благотворительности распространилась словно степной пожаръ по всему

Рейну и возбудила въ сынѣ Пфальцграфа Либрехта желаніе увидѣть это дивное созданіе.

Юный графъ не обращалъ никакого вниманія на замѣчанія и совѣты опытныхъ пловцовъ, сѣлъ въ челнъ и приказалъ плыть къ скалѣ Лорилей. Глубоко вздыхая и грустно покачивая головой, гребцы исполнили его приказаніе.

Быстро понесся челнъ по трепетнымъ волнамъ Рейна; мѣстами онѣ перебрасывались черезъ высокія скалы, мѣстами разбивались о нихъ и ниспадали жемчужнымъ дождемъ. Сѣрая туча набѣжала на золотистый серпъ луны и бросила тѣнь на яростныя волны, между тѣмъ какъ серебристыя вершины скалы отражались въ мрачныхъ водахъ величественной рѣки. Перегнувшись черезъ бортъ челна, молодой графъ устремлялъ нетерпѣливые взоры то на скалы, то на волны, предаваясь то обманутой надеждѣ, то напряженному ожиданію, но кромѣ скалъ и воды ничего не было видно. Тогда онъ съ досадой велѣлъ плыть обратно.

Но едва только челнъ успѣлъ повернуть, какъ изъ глубины водъ послышалась нѣжная мелодія. Вода страшно зашумѣла; два громадныхъ вала поднялись до вершины скалы и разсыпались съ нее алмазнымъ каскадомъ. Восхищенному взору юноши явилась дивной красоты дѣва, въ снѣжно бѣломъ одѣяніи, съ ниспадающимъ зеленымъ поясомъ. Она заплетала свои золотистыя кудри и пѣла серебристымъ голосомъ.

— Туда, туда!! на эти скалы! страстно вскричалъ юноша.

Гребцы серьезно отговаривали его, но раздраженный противорѣчіемъ, онъ обнажилъ свой мечъ, угрожая поразить имъ каждаго, кто только осмѣлится поперечить ему.

Гребцы снова взяли за весла и въ нѣсколько пріемовъ приблизили челнъ къ скалѣ.

Юный графъ, внѣ себя, выпрыгнулъ изъ лодки, но не рассчитавши прыжка, погрузился въ пѣнящіяся волны. Какъ ни старались испуганные гребцы помочь ему, все было напрасно; они не нашли даже и тупа его, онъ исчезъ навсегда. Старый Пфальцграфъ впалъ въ отчаяніе и жажда

мести охватила его душу. Отправлены были лазутчики, чтобы схватить и сжечь волшебницу.

Въ строгомъ порядкѣ отправились посланные, подѣ руководствомъ старшаго, къ скалѣ, на которой еще изда- лека они увидѣли прекрасную дѣву скалы. Взоры ея были устремлены въ могучія волны, беззаботная улыбка мелькала на милыхъ устахъ. Осторожно окружили они скалу.

— Стой, вѣдьма, воскликнулъ старшій отряда, выступая впередъ съ обнаженнымъ мечемъ. Чары, которыми ты околдовала графа, не дѣйствуютъ на насъ. Сдайся, не то возь- мемъ тебя приступомъ.

Дѣва скалы обратила на нихъ свое восхитительное ли- чико и спокойно улыбаясь сказала: „Рейнъ спасетъ меня“.

— Та-та-та, вздоръ, колдунья, подожди, вотъ я тебя, и стали карабкаться на скалу, а она, смотря на нихъ, про- должала смѣяться своимъ чистымъ дѣтскимъ смѣхомъ.

Задыхаясь, старшій отряда достигъ уже вершины скалы и протянулъ къ ней свою загроубѣлую руку, какъ дѣва на- клонилась къ Рейну съ словами:

Легче вѣтра,
Прими меня,
Волна, волна,
Свое дитя.

Въ одно мгновеніе пронесся по скалѣ страшный ура- ганъ и опрокинулъ предприимчиваго старшаго въ яростно вспѣ- нившійся Рейнъ. Поднялись два громадныя вала, охватили и скрыли дѣву, а безъ чувствъ лежащаго на скалѣ стар- шину забросали пескомъ и иломъ. Съ трудомъ поднялся не- счастный внѣ себя отъ бѣшенства и возвратившись къ сво- имъ спутникамъ, не нашелъ никого на оставленномъ имъ мѣстѣ. Всѣ они со страха разбѣжались. Огорченный Пфальц- графъ принужденъ былъ сознать свое безсиліе.

Съ этого времени очаровательная Ундина скалы Лори- леи не являлась болѣе.

Ма—ся К—шева.

(Съ нѣмецкаго).

КОРАЛЛОВЫЙ ОСТРОВЪ НА ТИХОМЪ ОКЕАНѢ.

VII.

Изобрѣтательность Джека. — Мы въ затрудненіи относительно рыбной ловли. —
Холодная ванна. — Встрѣча съ акулой.

НѢСКОЛЬКО дней послѣ нашей экскурсіи, мы не удалялись отъ своей стоянки, а составляли различные планы какъ устроить поудобнѣе наше настоящее жилище.

Хотя все что насъ окружало было восхитительно, и мы имѣли все необходимое для нашего комфорта, но мысль поселиться на всю жизнь далеко отъ друзей и родины пугала до того, что мы не рѣшались устроить ее, въ надеждѣ, что можетъ причалить корабль и увезти насъ. Но день проходилъ за днемъ и ни дикарей, ни кораблей не являлось, мы перестали надѣяться на избавленіе и прилежно принялись устраивать себѣ жилище.

Въ продолженіи этого времени, мы дѣлали множество разныхъ опытовъ, пробовали варить кокосовые орѣхи; перенесли наше имущество въ пещеру; но это оказалось къ худшему, и мы радостно вернулись въ бесѣдку. Кромѣ того мы часто купались, много говорили. Джекъ сдѣлалъ изъ об-

ломка желѣзнаго обруча превосходный ножикъ съ деревянной рукояткой. Разорвавши на тонкія полоски свой носовой платокъ, Джекъ привязалъ къ нему крючки для ловли рыбы, а на крючекъ, вздѣвъ кусокъ устрицы, ловилъ на нее рыбу. Но удочка была очень коротка, у насъ не было лодки, и пойманная рыба была чрезвычайно мелка.

Однажды Петеркинъ, вернувшись съ другаго берега, гдѣ онъ ловилъ рыбу, сказалъ сердитымъ тономъ: Джекъ, я больше не хочу заниматься ловлей этой дряни. Я хочу, чтобы ты плылъ, а я къ тебѣ сяду на спину и буду удить рыбу въ глубинѣ.

— Боже мой, Петеркинъ, возразилъ Джекъ, я не зналъ, что ты такъ принимаешь это къ сердцу, иначе давно вывелъ бы тебя изъ такого затрудненія. Видишь—и Джекъ указалъ на обрубокъ дубоваго дерева, надъ которымъ онъ работалъ, обрати на него вниманіе.

— Не построить ли намъ изъ него лодку?

— Это займетъ слишкомъ много времени, отвѣчалъ Петеркинъ, я не могу ждать, я хочу тотчасъ удить!

Джекъ задумался.—Хорошо! сказалъ онъ. Мы срубимъ большое дерево и опустимъ его въ воду, а когда понадобится рыбу ловить, то подплывемъ къ нему.

— Не удобнѣе ли сдѣлать маленькій паромъ? сказалъ я.

— Гораздо удобнѣе, но у насъ нѣтъ веревокъ, чтобы связать дерево. Можетъ быть впослѣдствіи и найдемъ что нибудь замѣняющее веревки, а пока попробуемъ ловить рыбу иначе.

Мы отправились къ берегу, гдѣ росло большое дерево, и принялись рубить его, черезъ нѣсколько минутъ оно повалилось съ ужаснымъ трескомъ.

— Ура! да здравствуетъ дерево! крикнулъ Джекъ, теперь примемся за его верхушку.

Затѣмъ изъ крѣпкихъ вѣтокъ они вырѣзали три короткіе шеста, замѣнявшіе весла, съ ихъ помощью спустили дерево въ море и стали готовиться къ отплытію. Помѣстившись на

бревну, мы едва не опрокинулись въ воду. Но послѣ часоваго упражненія, научились сохранять равновѣсіе; Петеркинъ сложилъ свой шестъ, и украсивъ удочку цѣльной устрицей, опустилъ ее въ глубину.

— Ну, Джекъ, сказалъ онъ, будь остороженъ, правъ такъ, чтобы намъ выпутаться изъ этихъ водорослей. Ну вотъ такъ, теперь тиге, тиге. Я вижу рыбу, по крайней мѣрѣ въ полъ-аршина длины, приближающуюся къ устрицѣ — аа! вотъ она! О! чортъ возьми, удрала!

— Ключула ли? сказалъ Джекъ, двигая полѣно.

— Ключула? да! взяла, но въ ту минуту, какъ я началъ тащить ее, открыла ротъ и выронила.

— Ну такъ въ другой разъ проглотить ее, сказалъ Джекъ, смѣясь надъ печальнымъ выраженіемъ лица Петеркина.

— Вотъ она опять, вскричалъ Петеркинъ съ блестящими глазами! гляди, ну теперь! Нѣтъ! Да! Нѣтъ! Да вѣдь эта уродина не глотаешь!

— Тащи ее за ротъ, закричалъ Джекъ, осторожнѣе.

Петеркинъ тяжело вздохнулъ и смотрѣлъ отчаянно.

— Не горюй, мальчуганъ, сказалъ Джекъ съ сочувствіемъ, мы двинемся впередъ и предложимъ приманку другой рыбѣ. Сказавъ это, Джекъ сталъ работать шестомъ, но едва двинулся съ мѣста, рыба съ громадной головой и маленькимъ туловищемъ выпрыгнула изъ подъ скалы и тотчасъ проглатила приманку.

— Ну, теперь я поймалъ ее! закричалъ Петеркинъ, таща удочку. Она проглотила. О! какая зубастая.

Пока мы были заняты охотой, наше вниманіе было внезапно привлечено рябью на морѣ, недалеко отъ насъ. Петеркинъ крикнулъ грести въ томъ направленіи, думая, что это большая рыба. Но Джекъ сказалъ серьезнымъ голосомъ:

— Тащи свою удочку, Петеркинъ; бери шестъ скорѣе — это акула!

Можно себѣ представить нашъ ужасъ, когда мы это

услыхали. Петеркинъ въ одну минуту вытащилъ удочку и, ухвативъ шесть, сталъ грести. Мы старались править къ берегу, отъ котораго были довольно далеко, бревно медленно двигалось, мы ясно видѣли акулу и ея острые плавники, иногда выглядывающіе изъ воды. Джекъ по ея быстрымъ движеніямъ предположилъ, что она хочетъ напасть на насъ и убѣждалъ грести сильнѣе. Вдругъ онъ крикнулъ: взгляните! вотъ она! Черезъ секунду мы увидѣли чудовище прямо подъ нами.

— Брось ей рыбу, крикнулъ Джекъ; мы еще поспѣемъ къ берегу во-время, если удастся отогнать ее на нѣсколько минутъ.

Петеркинъ бросилъ рыбу и снова принялся грести. Какъ только рыба упала въ воду, акула погрузилась. Черезъ секунду она повернулась на бокъ, готовясь схватить свою добычу, такъ какъ ротъ у акулы не на концѣ головы, какъ у другихъ рыбъ. Черезъ минуту ея громадная пасть, вооруженная двойнымъ рядомъ зубовъ, показалась изъ воды снова. Рыба была проглочена. По ея быстрымъ движеніямъ мы увидѣли, что она собирается напасть на насъ.

— Перестаньте грести, крикнулъ Джекъ. Слушайтесь меня. Не оглядывайтесь назадъ, качайте бревно.

Петеркинъ и я немедленно повиновались. Мы безусловно довѣряли мужеству и находчивости Джека. Нѣсколько секундъ мы просидѣли молча, но я не вытерпѣлъ, оглянулся и увидѣлъ Джека, сидящаго неподвижно съ поднятымъ шестомъ, съ сжатыми губами, съ глазами, сверкающими изъ-подъ нахмуренныхъ бровей и всматривающимся въ воду. Къ крайнему моему ужасу, подъ бревномъ я увидѣлъ акулу, готовящуюся броситься на ногу Джека, и едва могъ удержаться отъ крика. Черезъ минуту акула поднялась. Джекъ вдругъ вытащилъ ногу изъ воды и перебросилъ ее черезъ бревно. Морда чудовища коснулась бревна, открылась его отвратительная пасть, Джекъ бросилъ въ нее свой шестъ такъ, что тотъ вонзился ей прямо въ горло. Это

было сдѣлано такъ неожиданно, такъ быстро, что Джекъ всталъ на ноги, бревно опрокинулось и мы всѣ трое погрузились въ воду.

— Ну, теперь править къ берегу! крикнулъ Джекъ. Петеркинъ, держись за мою шею и дѣйствуй!

Джекъ двинулъ бревно съ такой силою, что оно прорѣзало воду какъ лодка, а я, свободный отъ всякой ноши, помогалъ ему. Черезъ нѣсколько минутъ мы очутились въ мелководѣ и наконецъ высадились благополучно, хотя утомленные и напуганные нашимъ ужаснымъ приключеніемъ.

VIII.

Прелести морскаго дна.—Побѣжденные затрудненія.—Подводный садъ.—Странныя существа моря.—Водоемъ.—Открытіе свѣчнаго дерева.—Ткань, растущая на деревь.—Обдуманый планъ и заготовленіе оружія.—Ужасный крикъ.

Наша встрѣча съ акулой была первой серьезной опасностью. Теперь мы снова должны были ловить рыбу и купаться въ мелководѣ, пока не удастся построить плота. Главный источникъ нашихъ наслажденій исчезъ, мы не могли нырять среди очаровательныхъ коралловыхъ рощъ на днѣ лагуны, гдѣ любили наблюдать за коралловыми формациями и за рыбами среди лѣсовъ красныхъ и зеленыхъ водорослей и поставили себѣ за правило никогда не оставаться подъ водою долго. Джекъ сказалъ, что это вредно для легкихъ. По временамъ, когда Джекъ былъ въ веселомъ расположеніи духа, онъ садился на днѣ моря на одинъ изъ коралловъ, какъ бы на широкій табуретъ и дѣлалъ мнѣ гримасы, чтобы заставить меня засмѣяться подъ водою. Однажды мы уговорили Петеркина спуститься съ нами. Но какъ только мы спускали его въ глубокую, чистую воду, онъ начиналъ такъ барахтаться и упираться, что мы были принуждены выпустить его и онъ, выскочивши изъ воды какъ пробка, пустился изо всѣхъ силъ къ берегу.

Теперь мы лишились всѣхъ этихъ удовольствій и чувствовали сильное уныніе.

Мы стали искать между скалъ большого водоема, гдѣ бы вода была глубока и такъ окружена скалами, что акулы не могли попасть туда. Впослѣдствіи нашли такой водоемъ въ десятиминутномъ разстояніи отъ нашей стоянки; онъ имѣлъ форму маленькаго, глубокаго залива или бассейна, входъ въ который былъ такъ узокъ и мелокъ, что ни одна акула не могла проникнуть туда.

Внутри этого бассейна, который мы прозвали нашимъ подводнымъ садомъ, коралловыя формаціи были гораздо удивительнѣе и водоросли прелестнѣе и ярче, нежели въ самой лагунѣ. А вода была такъ чиста и спокойна, что несмотря на глубину, на днѣ можно было видѣть самый крошечный предметъ. Кромѣ того, надъ самымъ глубокимъ мѣстомъ бассейна былъ скалистый выступъ, съ котораго намъ было удобно прыгать въ воду, а Петеркинъ могъ сидѣть и видѣть не только всѣ чудеса, которыя я описывалъ ему, но также меня и Джека, ползающихъ среди морскихъ кустарниковъ на днѣ, „какъ два морскихъ чудовища“, говаривалъ онъ.

Во время нашихъ экскурсій на дно морское, мы начали всматриваться въ нравы и обычаи его обитателей и открывать удивительныя вещи, о существованіи которыхъ и не подозрѣвали. Насъ интересовали работы маленькаго полипа, который, какъ мнѣ сказалъ Джекъ, образовалъ большинство острововъ, разбросанныхъ по Тихому океану, а также нравы и наружность анемоновъ, морскихъ звѣздъ, крабовъ, морскихъ ежей и другихъ существъ. Не довольствуясь наблюденіями надъ тѣми, которыхъ я видѣлъ во время моихъ прогулокъ по подводному саду, я просверлилъ дыру въ коралловой скалѣ, наполнилъ соленой водой и различными анемонами, чтобы наблюдать какъ онѣ проводятъ время. Наше зажигательное стекло сдѣлалось для меня сокровищемъ, оно помогло мнѣ увеличивать и яснѣе видѣть формы и дѣйствія этихъ странныхъ обитателей глубины.

Устроившись поудобнѣе, мы снова заговорили о нашемъ проектѣ—осмотрѣть весь островъ: намъ хотѣлось поискать нѣтъ ли на немъ другихъ произведеній природы, пригодныхъ для насъ и болѣе подходящаго мѣста для нашего мѣстопробыванія.

Джекъ предложилъ прежде чѣмъ предпринять такую экспедицію запасти хорошимъ оружіемъ для защиты.

— Кромѣ того, сказалъ онъ, намъ нельзя постоянно питаться косовыми орѣхами и устрицами. Конечно они превосходны, но небольшое количество мясной пищи было бы полезно. Мы могли бы сдѣлать луки и стрѣлы и стрѣлять птицъ, которыхъ такъ много летаетъ въ этихъ рощахъ.

— Превосходно! воскликнулъ Петеркинъ. Ты сдѣлаешь лукъ, Джекъ, а я стрѣлы. Мнѣ надоѣло бросать въ птицъ камнями и до сихъ поръ не убилъ ни одной.

— Скоро вечеръ, ты не успѣешь сдѣлать ни одного лука, сказалъ я. Жаль, что у насъ нѣтъ свѣчей, а то мы могли бы работать ночью.

— Развѣ хорошій, пылающій костеръ не дастъ тебѣ довольно свѣта? спросилъ Петеркинъ.

— Конечно, отвѣтилъ Джекъ, но онъ дастъ слишкомъ много жара.

— Я и не подумалъ объ этомъ.

— А вотъ что можетъ замѣнить намъ и то, и другое. На этихъ островахъ растетъ одинъ орѣхъ, называемый свѣчнымъ,—туземцы употребляютъ его вмѣсто свѣчей, но я плохо помню описаніе его и потому не знаю точно ли видѣлъ я тутъ такое дерево и такіе орѣхи. Впрочемъ, насколько мнѣ помнится, тотъ орѣхъ величиною съ каштанъ, а листья дерева бѣлые.

— Гмъ! сказалъ Петеркинъ, я видѣлъ такое дерево, именно сегодня.

— Въ самомъ дѣлѣ? воскликнулъ Джекъ. Далеко отсюда?

— Нѣтъ, недалеко.

— Ну, такъ отправимся туда, сказалъ Джекъ, схвативъ свой топоръ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы все пробирались къ кустарникамъ и вскорѣ дошли до того дерева, о которомъ шла рѣчь. Осмотрѣвши его со всехъ сторонъ, мы порѣшили, что это должно быть свѣчное дерево. Его листья были красиваго серебристо-бѣлаго цвѣта, представлявшіе восхитительный контрастъ, среди темной зелени окружающихъ его деревьевъ и тотчасъ наполнили наши карманы орѣхами.

— Ну, Петеркинъ, сказалъ Джекъ, влѣзь на это кокосовое дерево и срѣжь мнѣ длинную вѣтку.

На нѣкоторомъ разстояніи такое кокосовое дерево кажется высокимъ, прямымъ, обнаженнымъ стволомъ, исключая верхушки, украшенной пучкомъ перистыхъ листьевъ, похожихъ на мягкія перья. Когда мы увидѣли одну изъ этихъ вѣтвей, то убѣдились, что это крѣпкій стебель, футовъ въ пятнадцать длины, окруженный съ обѣихъ сторонъ тоненькими, заостренными листочками. Но всего болѣе удивило насъ странное вещество, похожее на ткань, которымъ былъ обернутъ стебель съ толстаго конца, гдѣ онъ былъ отрѣзанъ отъ дерева. Петеркинъ сказалъ, что ему стоило большаго труда отдѣлать вѣтвь отъ дерева, такъ какъ этимъ веществомъ все оно обернуто. Это вещество было похоже на грубую, коричневою бумажную ткань. Разсмотрѣвъ его внимательно, мы съ трудомъ могли повѣрить, что оно не соткано человѣческими руками. Этотъ замѣчательный кусокъ ткани мы осторожно сняли и унесли домой, какъ драгоценную находку.

Возвратившись къ нашей стоянкѣ, Джекъ развелъ небольшой огонь, слегка подпекъ орѣхи, снялъ съ нихъ шелуху, потомъ нанизалъ орѣхи на кокосовый стебель, поднесъ огонь къ верхнему орѣху и онъ загорѣлся яркимъ краснымъ пламенемъ.

— Ну, ребята, сказалъ Джекъ, погасивши нашу свѣчу, солнце скоро закатится, намъ нельзя терять времени. Я пойду срубить молоденькое деревцо, чтобы сдѣлать лукъ, а вы сту-

пайте и выберите хорошенькія вѣтки и примемся работать, когда стемнѣетъ.

Онъ взвалилъ топоръ на плечи и пошелъ, сопровождаемый Петеркинымъ, а я взялъ кусокъ ткани, сталъ его разсматривать и былъ такъ поглощенъ этимъ занятіемъ, что все еще сидѣлъ въ той же позѣ, когда мои товарищи вернулись.

— О Ральфъ! кричалъ Петеркинъ громко смѣясь, ты неисправимъ. Вотъ тебѣ дубина. Я былъ увѣренъ, что ты будешь торчать тутъ надъ этимъ кускомъ ткани и потому срубилъ тебѣ дубину.

— Спасибо, Петеркинъ, сказалъ я.

Стемнѣло, мы зажгли нашу свѣчку и поставили ее въ под-свѣчникъ, сдѣланный изъ двухъ скрещенныхъ вѣтвей внутри нашей бесѣдки, усѣлись на постели изъ листьевъ и начали работать.

— Я попробую сдѣлать лукъ, сказалъ Джекъ, разрубая принесенное имъ дерево топоромъ. Прежде я былъ порядочнымъ стрѣлкомъ. Но что это ты дѣлаешь? прибавилъ онъ, глядя на Петеркина, который втащилъ въ бесѣдку конецъ длиннаго кола и старался прикрѣпить къ концу его маленькій кусокъ желѣза.

— Видишь ли, Джекъ, я нахожу дубину орудіемъ слишкомъ неудобнымъ, и хочу сдѣлать копье.

Это было молодое, легкое, но очень крѣпкое, твердое дерево, которое надо было только заострить на концѣ, чтобы сдѣлать изъ него полезное орудіе.

— Хорошая находка, сказалъ я. Но я не особенно одобряю дубину и лучше сдѣлаю себѣ пращъ изъ этого куска ткани.

И я принялся дѣлать пращъ. Мы долго работали молча. Наконецъ Петеркинъ попросилъ у Джека кусочекъ платка. Джекъ исполнилъ эту просьбу.

Въ то время какъ мы были заняты приготовленіемъ нашихъ орудій, насъ испугалъ отдаленный, но странный ужасающій крикъ. Повидимому онъ доносился съ моря, но такъ

далеко, что не могли ясно различить его точнаго на-
правленія. Мы выбѣжали изъ нашей бесѣдки и поспѣшили
къ берегу. Крикъ снова слышался громко и ясно—долгій,
отвратительный крикъ похожій на крикъ осла. Луна взошла,
и мы могли различать острова въ лагунѣ и за лагуной, но
на нихъ ничего не было видно.

— Что бы это могло быть? прошепталъ Петеркинъ. Мы
невольно придвинулись ближе другъ къ другу.

— Знаешь ли, сказалъ Джекъ, я уже два раза слышалъ
этотъ крикъ, но никогда такъ громко какъ сегодня. Я ду-
малъ, это моя фантазія и не хотѣлъ тревожить васъ.

Мы долго прислушивались, но ничего не было слышно,
снова вернулись въ бесѣдку и принялись за работу.

— Странно, сказалъ Петеркинъ серьезно, вѣришь ли ты
въ привидѣнья, Ральфъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, не вѣрю. Хотя меня волнуетъ не
много этотъ странный, необъяснимый крикъ. А ты, Джекъ?

— Я не вѣрю въ привидѣнья, и самъ никогда не ви-
далъ ихъ. Я убѣжденъ, что странныя, необъяснимыя вещи
дѣлаются просты и объяснимы если ихъ размотришь по-
ближе. Я это скоро узнаю—и если это привидѣнье я... я...

— Съѣмъ его, закричалъ Петеркинъ.

Петеркинъ заострилъ свое копые и привязалъ желѣзный
наконечникъ къ концу его. Я сдѣлалъ пращъ изъ сплетенныхъ
полосъ кокосовой ткани, у Джека былъ крѣпкій лукъ съ
двумя стрѣлами.

Тетива лука была сдѣлана изъ нашей бичевки, часть
которой была обернута вокругъ лука.

Остатокъ этого дня мы провели въ упражненіяхъ и, бла-
годаря энергіи Джека, достигли большихъ успѣховъ.

Въ эту ночь, прежде чѣмъ лечь спать, мы осмотрѣли
наше оружіе, чтобы быть готовыми въ экспедицію на раз-
свѣтъ слѣдующаго утра.

А. С—ва.

МАЛЕНЬКІЙ РУДОКОПЪ.

XI.

Горе и радость.

ПУСТЯ нѣсколько дней Готлибъ рѣшилъ открыть свою тайну.

— Батюшка, сдѣлай мнѣ удовольствіе, пойдемъ со всѣми дѣтьми къ старому колодцу, захватимъ съ собой салфетки и фартуки, надобно принести кое-что оттуда. Кламродъ согласился.

Когда они пришли къ колодцу, Готлибъ попросилъ ихъ остановиться у входа, самъ же, спустясь въ него, зажегъ огарки и освѣтилъ ими разставленные въ порядокъ игрушки. Всѣ эти приготовленія удивляли дѣтей. Когда же онъ показалъ имъ множество маленькихъ вещицъ и игрушекъ, они пришли въ восторгъ. Самъ отецъ былъ удивленъ, а Готлибъ, желавшій поразить своихъ братьевъ и сестеръ радостью, былъ не менѣе ихъ въ восторгѣ.

— Батюшка, завтра рождественская ярмарка въ Фрейбургѣ, позволь Доротей, Якову и мнѣ пойти туда и продать все это. Отецъ охотно согласился. Они уложили игрушки и, смѣясь и шутя, вышли изъ колодца. При входѣ они увидали директора рудниковъ. Встрѣтя маленькое общество съ узлами, Верендтель спросилъ ихъ съ досадою:

— Что это значить? Откуда вы идете? Что у васъ въ узлахъ? Признавайтесь!

Эти рѣзкія слова испугали дѣтей. Клародъ снялъ свою шапку и спокойно отвѣтилъ.

— Господинъ директоръ, въ этихъ узлахъ нѣтъ ни руды, ни другихъ минераловъ, въ нихъ только игрушки, работы Готлиба, онъ пряталъ ихъ въ колодезь. Посмотрите!

Сказавши это, Клародъ развязалъ свой узелъ. Дѣти сдѣлали тоже. Директоръ дрожащей рукой перерылъ все, но, не найдя въ нихъ ничего, успокоился.

— Вы не должны ничего прятать въ казенномъ мѣстѣ, сказалъ онъ сердитымъ тономъ, и еще встревоженный не-терпѣливо ждалъ ихъ ухода чтобы спуститься въ колодезь.

На слѣдующій день состоялось путешествіе въ Фрейбургъ. Готлибъ досталъ маленькую телѣжку, поставилъ на нее ящикъ съ игрушками, впрягся въ нее, пристегнулъ и Доротею, а Яковъ подталкивалъ телѣжку сзади.

На другой день жители Фрейбурга увидали небывалое зрѣлище. Въ концѣ одной изъ улицъ, частію на землѣ, частію на доскѣ, положенной на телѣжку, разставлены были различныя дѣтскія игрушки. Около нихъ стоялъ мальчикъ въ шапкѣ рудокопа—это былъ Готлибъ, въ шапкѣ своего отца, которая была слишкомъ велика ему. Куртка Кларода спускалась у него до колѣнъ, а рукава были такъ длинны, что не позволяли свободно ими дѣйствовать.

Это придавало ему самый смѣшной видъ, но несмотря ни на что, онъ расхаживалъ передъ этой выставкой взадъ и впередъ. Глаза его блестѣли изъ-подъ кожаннаго козырька, а щеки алѣли, какъ китайскія яблочки. Около него стояла дѣвочка лѣтъ 11-ти, бѣдно, но опрятно одѣтая. Ея взволнованное свѣженькое личико было окаймлено свѣтлыми, длинными волосами, ничѣмъ не прикрытыми, несмотря на зимній холодъ. Готлибъ и Доротея съ замираніемъ сердца ждали покупателей. Вскорѣ толпа любопытныхъ окружила ихъ и съ удивленіемъ смотрѣла на странный костюмъ Готлиба. Любопытство замѣни-

лось состраданіемъ когда узнали что продавцы были сами же и фабриканты игрушекъ. Взоры Готлиба и Доротеи какъ бы просили „купите что нибудь“. Вскорѣ, о счастье! одна женщина взялась за маленькую лошадку на колесахъ. Готлибъ взволнованнымъ голосомъ едва могъ назначить цѣну. Рука его дрожала когда онъ получилъ первыя копѣйки. Спокойно, но съ невыразимымъ счастіемъ положилъ онъ эти первыя деньги въ карманъ. Вскорѣ число покупателей увеличилось. Готлибъ и Доротея едва успѣвали отвѣчать на спросы. Яковъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на игрушки, быстро исчезающія. Модель машины, это образцовое произведеніе Готлиба, нашло себѣ менѣе покупателей. Вдругъ толпа разступилась, каждый спѣшилъ дать дорогу господину важнаго вида, за которымъ слѣдовалъ слуга. Улыбаясь, посмотрѣлъ онъ на дѣтей, потомъ на знаменитую игрушку и спросилъ ей цѣну. Положивъ двойную цѣну въ руку Готлиба, онъ велѣлъ слугѣ взять покупку.

Нирицъ.
Съ нѣмецкаго.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издательница Т. ПАСЕКЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 апрѣля 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.